

**Новые идеи в социологии: монография / отв. ред.
Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 479 с.**

Монография «Новые идеи в социологии» состоит из двух разделов: в первом рассматриваются вопросы, связанные с состоянием и тенденциями развития российской социологии на рубеже веков; во втором – представлены результаты социологических инноваций в изучении социальных явлений и процессов в российском обществе.

Рассматривая новые тенденции в развитии российской социологии, Ж.Т. Тощенко, с одной стороны, выделяет позитивные моменты, обусловленные теоретическими поисками российских ученых в таких предметных областях, как общество знания, турбулентный социум, социология жизни. С другой – он обращает внимание на негативные моменты, связанные с рецепцией западной социологической мысли. В современной российской социологической литературе, как отмечает автор, наблюдается разрыв между теоретическими изысканиями и эмпирическими исследованиями, и поэтому «многие авторы пока не могут обойтись без того, чтобы при объяснении происходящих изменений не прибегать к многочисленным ссылкам на коллег-социологов за рубежом» и «самый незначительный анализ сопровождается перечнем и цитированием имен лишь американских, французских или немецких ученых». В результате создается впечатление, что «российские социологи не могли предложить ни одной новаторской идеи по изучаемой проблеме. Авторы не пытаются сделать свои выводы, пусть спорные, но основанные на анализе реальной ситуации»¹.

Ж.Т. Тощенко затрагивает очень важную для российской социологии тему, связанную с использованием в отечественных социологических практиках западных теоретических конструктов. В настоящее время в методологии научного исследования одной из наиболее актуальных является проблема контекстуальности, которая, в частности, была центральной в

¹ Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 10–24.

работе 38-го конгресса Международного института социологии, состоявшегося в 2008 г. в Будапеште. В рамках этой проблемы прежний поиск универсальных категорий и теоретических моделей, пригодных при изучении любой страны, независимо от ее социально-культурного своеобразия, сегодня, как считают некоторые специалисты, признается неадекватным и по сути дела отвергается многими ведущими учеными мира¹.

На необходимость соблюдения принципа контекстуальности обращают внимание также В.А. Ядов и С.Г. Кирдина. Размышляя о будущем социологии, В.А. Ядов предполагает, что в перспективе следует ожидать дальнейших коррекций глобалистских концепций с более адекватной привязкой к особым континентам, культурам, обществам. Он также подчеркивает, что идею глокализации (глобальное – локальное) надо расширить до глобальное – локальное – анклавное². С.Г. Кирдина отмечает применительно к изучению гражданского общества, что очень часто это делается с помощью заранее заданных понятий, сформированных для конкретного культурного и институционального контекстов и превращенных в российском интеллектуальном дискурсе в своего рода идеологемы³.

А.В. Тихонов, называя состояние отечественной социологии преднаукой, считает, что сегодня в ней сложилась методологическая ситуация, которая характеризуется не столько необходимостью смены старой парадигмы, сколько осознанием потребности в ревизии исторического пути развития социологических представлений об обществе⁴. В связи с этим следует отметить, что результатом такой ревизии стало возникновение различных представлений о стратегии дальнейшего развития социологии. Одни исследователи, например, В.А. Ядов, говорят о необходимости создания новой интегративной социологической теории⁵. Другие, в частности, С.А. Кравченко, настаивают на переходе к альтернативным моделям научного, в том числе и нелинейно-гуманистического, мышления. Рассматривая новые идеи в области изучения нелинейно развивающегося социума в эпоху постмодерна, он подчеркивает, что адекватный теоретико-методологический инструментарий для анализа такого социума должен быть не универсальным и завершенным, а становящимся, основанным на новом типе социологического воображения⁶.

¹ *Титаренко Л.Г.* Современная теоретическая социология // Соц. исследования. 2009. № 1. С. 16–24.

² *Ядов В.А.* Каким мне видится будущее социологии // Новые идеи в социологии. С. 25–32.

³ *Кирдина С.Г.* Гражданское общество: уход от идеологемы // Там же. С. 99–116.

⁴ *Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Там же. С. 33–49.

⁵ *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформации. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 81.

⁶ *Кравченко С.А.* Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Новые идеи в социологии. С. 78–98.

Авторы монографии обращают внимание на то, что в современной социологии особую методологическую значимость стали приобретать идеи и принципы антропоцентризма. Так, Ж.Т. Тощенко подчеркивает, что в социологии «померк структурно-функциональный подход, на ведущие позиции стал претендовать антропоцентризм в его социальном контексте». В результате, как образно замечает В.А. Ядов, «железная клетка» социальных структур рухнула, и взамен явился субъект, который выходит из заточения и начинает «самовольничать». О методологических возможностях антропоцентризма в социологии свидетельствуют результаты исследования Н.В. Романовского, в котором рассматриваются проблемы коллективной памяти и идентичности¹.

В последнее время в социологии большое внимание уделяется научным исследованиям интердисциплинарного характера. В этом плане методологический интерес представляют размышления А.В. Тихонова, полагающего, что стратегией развития социологии может стать синтез социологии жизни и деятельностно-активистского подхода. С.А. Кравченко обращает внимание на идеи «рефлексивной социологии», методологически ориентирующие исследователя на изучение трансформаций рефлексивности социальных акторов, которая выступает посредником между социальной структурой и социальной деятельностью, ведет к переопределению социальных ситуаций и переструктурированию социальных отношений. А.В. Шкурко акцентирует внимание на методологических возможностях синтеза нейробиологического и социологического объяснений².

В условиях методологического плюрализма в последнее время стали особое внимание уделять языку социологического дискурса³. В связи с этим Д.Г. Подвойский, отмечая низкий уровень терминологической культуры российских социологов, поднимает целый ряд вопросов, относящихся к проблемной сфере особенностей языка социологии и ее понятийного аппарата в условиях мультипарадигмальности⁴. Можно согласиться с выводом автора о том, что формирование универсального понятийного аппарата – это «манящая сциентистская утопия». Однако при этом отметим, что актуализация проблемы языка социологического дискурса тесно связана с попыткой преодоления в российской социологии, с одной стороны, синдрома интеллектуального подражания, а с другой – антитеоретического консенсуса⁵.

Результаты социологических исследований новых явлений в российском обществе представлены в монографии авторами, изучающими

¹ Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // Там же. С. 50–66.

² Шкурко А.В. На пути к нейросоциологии // Новые идеи в социологии. С. 184–200.

³ Лубский А.В. Российская социология: язык научного дискурса // Методология, теория и история социологии: сб. науч. ст. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2012. С. 127–143.

⁴ Подвойский Д.Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? // Новые идеи в социологии. С. 67–78.

⁵ Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–293.

процессы его социальной трансформации и изменения в общественном сознании россиян в условиях модернизации. Так, А.В. Кива, анализируя модели реформ и результаты их реализации в России и Китае, отмечает, что китайские реформаторы сами создавали модель реформ на основе принципа сравнительных преимуществ, в то время как российские реформаторы реализовывали модель реформ, созданную в США. В результате Китай за годы реформ совершил промышленный переворот, а в России произошла деиндустриализация, и мы с Китаем поменялись местами¹.

В этом плане особый интерес вызывают результаты социологических исследований Н.Е. Тихоновой и Н.И. Лапина. Н.Е. Тихонова, изучая социальную структуру российского общества, пришла к выводу о том, что наличие в нем андеркласса делает Россию похожей не на постиндустриальные страны, а на США или Европу первой трети XX в.² Н.И. Лапин, раскрывая в контексте иерархии базовых ценностей социокультурные факторы стагнации и модернизации, показывает системный разрыв между человеческими измерениями стагнации в России и модернизации в развитых странах Европы. При этом он делает вывод о необходимости в России двойной модернизации (реиндустриальной и информационной), реализация которой должна основываться на социокультурной логике движения общества к реализации стратегии модернизации в стране по критериям Европейско-Российского мегарегиона. В результате этой стратегии российское общество, как считает автор, приобретет новое качество, Россия возвратится в состав экономически развитых стран мира и внесет вклад в становление справедливого общества, в котором будут утверждены равенство возможностей для каждого человека и нравственный авторитаризм политической элиты³.

В контексте перспектив развития России в условиях модернизации следует обратить внимание на концепции В.К. Левашова и Ю.Г. Волкова. В.К. Левашов в контексте мирового экономического кризиса разрабатывает концепцию устойчивого развития российского общества на базе принципов новой политической культуры и стратегии, основанной на согласовании интересов человека, общества и природы⁴. Ю.Г. Волков, предлагая сценарии будущего креативного общества в России, рассматривает предпосылки его формирования применительно к проекту российской модернизации. Для реализации этого проекта, как считает автор, «необходимо пробудить и раскрепостить социальную энергию масс, сформировать условия, способствующие

¹ Кива А.В. Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Новые идеи в социологии. С. 293–313.

² Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Там же. С. 339–358.

³ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Там же. С. 214–239.

⁴ Левашов В.К. Мировой экономический кризис и устойчивое развитие // Новые идеи в социологии. С. 255–270.

творческой самореализации личности, вернуть социальный престиж представителям творческих профессий»¹. Предпосылки для этого в российском обществе есть, однако для перевода их в русло социальных практик необходимы такие условия, как национальное согласие, политическая воля и позитивная мобилизация масс. Однако с этим у нас пока есть проблемы, особенно связанные, как показывают результаты исследования Д.В. Трубицына, с позитивной мобилизацией масс. Автор, опираясь на идеи Л.Д. Гудкова², пришел к выводу о доминировании в российском обществе негативной мобилизации как контрмодернизационной стратегии, не способной репродуцировать отношения в нем на позднеиндустриальном уровне. Подтверждением контрмодернизационной стратегии негативной мобилизации служат отсутствие позитивных сдвигов в социальном развитии, рост коллективного цинизма и иждивенческих настроений, ксенофобии и великодержавного шовинизма на фоне упрощения в целом культурной картины мира³.

О квазиинновациях в российском обществе, препятствующих его социальному обновлению и придающих модернизации псевдоинновационный характер, пишет Л.А. Гуцаленко, апеллируя при этом к необходимости развития креативной составляющей общества, связанной с воспитанием личности, а также преодоления нравственной деградации, поразившей постсоветское общество⁴. Обобщая опыт исследования ресурсов консолидации российского общества, О.А. Кармадонов делает вывод о том, что отсутствие эмпатии как на макросоциальном уровне, так и на уровне микросоциальных интеракций является негативным фактором в процессе российской модернизации⁵. Л.А. Беляева, раскрывая связь между образованием и культурным капиталом, подчеркивает значимость образовательного потенциала населения для проведения модернизации в России⁶. А.С. Запесоцкий, подчеркивая роль СМИ в формировании российской культуры и информационной политики российского государства, считает ориентацию на рыночные механизмы регулирования деятельности СМИ в российском обществе ошибочной, неравнозначной общественному контролю и участию⁷.

¹ Волков Ю.Г. Креативное общество как цель российской модернизации // Там же. С. 202–213.

² Гудков Л.Д. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

³ Трубицын Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация»: конструкты и сущность // Новые идеи в социологии. С. 134–159.

⁴ Гуцаленко Л.А. Социальные инновации и квазиинновации в человеческом измерении // Новые идеи в социологии. С. 117–133.

⁵ Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Там же. С. 450–463.

⁶ Беляева Л.А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам европейского социального исследования) // Там же. С. 377–396.

⁷ Запесоцкий А.С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Там же. С. 359–376.

Одним из достижений теоретической социологии в России является теория институциональных матриц, предложенная С.Г. Кирдиной в русле неинституционального подхода. Рассматривая в монографии проблемы формирования гражданского общества, она подчеркивает, что оно складывается в условиях доминирования Y-институциональной матрицы (рыночная экономика, федеративное политическое устройство, индивидуалистическая идеология). В условиях доминирования X-институциональной матрицы (редистрибутивная экономика, унитарное политическое устройство, коммунистическая идеология), в том числе и применительно к России, речь может идти не о формировании гражданского общества, а о гражданском участии¹.

Вал.А. Луков, анализируя новые идеи в изучении российской молодежи, отмечает, что в исследовательской практике в последнее время на передний план выдвинулись три ее ведущие характеристики: 1) социальная и культурная субъектность; 2) социальная и культурная автономия; 3) многообразие социальных и культурных практик². В.А. Авксентьев и Б.В. Аксюмов, представляя «портфель» идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора, делают вывод о размывости цивилизационной ориентации этой молодежи и ее зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности³. П.П. Великий, изучая неотходничество как «механизм» сезонной трудовой миграции сельского населения, делает вывод о том, что в нем заключена единственная возможность территориальной мобильности «лишних людей» современной российской деревни⁴. Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова, выявляя новые тенденции в сельских сообществах российского Севера, вводят понятие «клеточная глобализация» для характеристики ее «гибридной» формы в условиях российской специфики⁵. В.В. Пациорковский, рассматривая становление социологии расселения в качестве особой отрасли социологического знания, полагает, что в практическом плане она будет способствовать устойчивости пространственной организации российского общества⁶.

Особый интерес вызывают представленные в монографии результаты социологических исследований новых явлений в сфере общественного

¹ Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Новые идеи в социологии. С. 99–116.

² Луков Вал.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Там же. С. 397–417.

³ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Там же. С. 464–477.

⁴ Великий П.П. Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Там же. С. 441–449.

⁵ Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Там же. С. 314–338.

⁶ Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Там же. С. 168–183.

сознания в России. Так, Ж.Т. Тощенко, отмечая, что в российском сознании одновременно происходят процессы универсализации и диверсификации, выделяет такие его специфические черты, как раскол и антиномичность, неопределенность и размытость, злободневность и динамичность. Выделяя антиномичность как наиболее характерную черту российского общественного сознания, автор рассматривает антиномии как своеобразные формы его кентавризма¹. М.К. Горшков, анализируя представления россиян о желаемом будущем для себя и общества в целом, делает вывод о том, что мечта – это не только особая форма социального воображения, но и мотивационная установка и побудительная сила социальных преобразований. При этом автор отмечает, что в российском общественном сознании сегодня имеются все те компоненты, из которых синтезировалась русская мечта в прошлом: идея государства как «общего дела», приоритет социальных прав над политическими, чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как «воли»². О.Н. Яницкий, рассматривая такую патологию российского общественного сознания, как «мусорная культура», обращает внимание на то, что это – культура людей и сообществ, сознательно разрушающих свое экологическое пространство, живущих в мусорной среде и поэтому воспринимающих ее как норму³.

Сегодня от социологов, как отмечает Ж.Т. Тощенко, ждут принципиально новых подходов к изучению социальных явлений и процессов, которые имеют качественно иную природу, порождены современными преобразованиями или приобрели актуальное звучание под влиянием кардинальных изменений. Содержание монографии свидетельствует о том, что российская социология, находясь после «отмены» марксизма как универсальной теории социального познания в активном поиске наиболее адекватных способов научно-исследовательской деятельности, уже накопила определенный научный капитал, порождающий оригинальные научные идеи и позволяющий реализовывать новые подходы в социологическом изучении российского общества.

С.А. Дюжиков

доктор философских наук, профессор

А.В. Верцагина

доктор социологических наук, профессор

А.В. Лубский

доктор философских наук, профессор

А.В. Попов

доктор социологических наук, профессор

¹ Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Новые идеи в социологии. С. 271–292.

² Горшков М.К. «Русская мечта» // Там же. С. 240–254.

³ Яницкий О.Н. «Мусорная культура» // Там же. С. 48–440.